

Тихонов Владимир Алексеевич

**Военные и путевые очерки и
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Алексеевич Т.**
Военные и путевые очерки и рассказы / Тихонов Владимир Алексеевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 328 с.

ISBN 978-5-519-76877-1

Содержание: Первые впечатления; Сутки на очереди; Сестра милосердия; Казак; Денщик; Дело чести; Прапорщик Федоркин; У барьера; Проселком; Доктор Сбитнев; Ковырлово; Лицдеи; Перекат

ISBN 978-5-519-76877-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

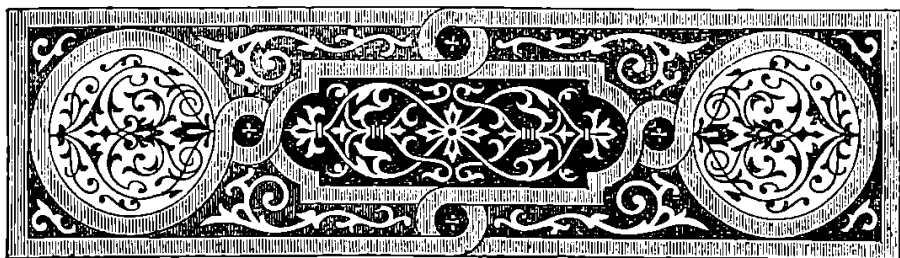
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

К Р О К Ъ.

Изъ записной книжки офицера.

Первыя впечатлѣнія.

Въ Александрополь я пріѣхалъ часовъ въ шесть вечера. Занявъ номеръ въ гостинницѣ, я сейчасъ-же сталъ наводить справки о мѣстѣ нахожденія своего полка. Какой-то казачій офицеръ сообщилъ мнѣ, что полкъ стоитъ въ Займѣ, верстъ шестьдесятъ отъ Александрополя.

— А какъ туда попасть?—спросилъ я у него.

— Да какъ вамъ угодно: пѣшкомъ, верхомъ, на фаятонѣ, все къ вашимъ услугамъ.

— А сколько стоитъ фаятонъ до Займа?

— Рублей пятьдесятъ, ну, минимум, сорокъ.

— Но вѣдь это страшно дорого!

— Поѣзжайте верхомъ—дешевле, рублей десять.

— Да, но вѣдь мнѣ выдадутъ, вѣроятно, прогоны?

— А этого ужъ не знаю, обратитесь къ воинскому начальнику. Да кстати, если вздумаете ѣхать завтра верхомъ, такъ поѣдьте вмѣстѣ, я завтра туда-же ѣду.

Благодарю васъ.

За ужиномъ мнѣ пришлось услышать очень печальную новость. Пѣхотный офицеръ, только что пріѣхавшій изъ Займа, рассказывалъ о смерти генерала Челокаева, при этомъ вспоминали о дѣлѣ 4 мая, героемъ и жертвой котораго и былъ покойный генералъ.

— Нѣтъ, господа, это даже не цвѣтики, даже не бутончики, а погодите вотъ когда до ягодки-то доберемся—до Карса, вотъ тогда увидимъ кое-что по серьезнѣе, если живы будемъ,—пророческимъ тономъ заключилъ разговоръ какой-то солидный артиллеристъ.

На другой день, проснувшись утромъ часовъ въ девять, я поспѣшно одѣлся и отправился отыскивать уѣзднаго воинскаго начальника. Найдя его квартиру, я сказалъ бывшему тутъ вѣстовому, чтобы онъ доложилъ; черезъ минуту меня попросили „пожаловать“ и я, взойдя въ комнату, былъ встрѣченъ какимъ-то господиномъ, въ военныхъ брюкахъ, но въ штатскомъ сѣромъ пиджакѣ.

— Что вамъ угодно?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я желалъ-бы видѣть воинскаго начальника.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Имѣю честь явиться, господинъ.....—тутъ я замялся, не зная его чина и потомъ на удачу брякнулъ „маіора“, (послѣ я узналъ, что онъ капитанъ).—Я ѣду въ отрядъ и потому прошу вашего содѣйствія.

— Хорошо, я вамъ сейчасъ напишу билетъ.

— Да, я васъ хотѣлъ еще попросить о прогонныхъ деньгахъ.

— Какихъ прогонныхъ деньгахъ?

— Отъ Александрополя до Займа, потому что я получилъ только до Александрополя.

— У меня никакихъ такихъ денегъ нѣтъ.

— Такъ какъ-же я отсюда поѣду? У меня своихъ

денегъ нѣтъ ни копѣйки; оставшихся едвали хватить расплатиться въ гостинницѣ.

— А ужъ этого я ничего не знаю и помочь вамъ тутъ не могу. Вотъ извольте, вручилъ онъ мнѣ только что написанный пропускной билетъ.

— Что дѣлать?—думалъ я возвращаясь обратно — отправиться пѣшкомъ, но куда дѣтъ вещи? Чортъ знаетъ, вотъ положеніе! Фаятонъ — сорокъ рублей, верхомъ — десять... но гдѣ взять эти десять? Въ такихъ размышленіяхъ я добрался до гостинницы. На порогѣ встрѣтилъ меня вчерашній казачій офицеръ.

— Ну что?—обратился онъ ко мнѣ.

Я рассказалъ ему все.

— Ну это не бѣда, я могу дать вамъ взаймы, а по пріѣздѣ въ полкъ вы мнѣ возвратите.

Я не зналъ какъ его и благодарить. Расплатившись въ гостинницѣ я послалъ за верховой лошадыю. Черезъ часъ на дворъ въѣхалъ армянинъ держа въ поводу лошадь для меня, и я сталъ укладывать вещи въ переметныя сумы; но онѣ были такъ малы, что могли только вмѣстить пару платья и нѣсколько штукъ бѣлья; остальное-же, даже самое необходимое, какъ-то подушку, одѣяло, и т. п. мнѣ пришлось оставить въ Александрополѣ. При чемъ эсаулъ и тутъ былъ такъ любезенъ, что приказалъ своему казаку отнести ихъ въ цейхаузъ ихъ батареи (онъ былъ артиллеристъ).

Около двѣнадцати мы выѣхали изъ Александрополя. Меня крайне удивляло, что мы отправлялись одни, безъ всякаго конвоя или оказіи. Вся наша кавалькада состояла изъ эсаула, меня, рядового казака, ѣхавшаго съ эсауломъ и, наконецъ, армянина, у котораго я нанялъ лошадь, отправлявшагося съ нами затѣмъ, чтобы привести её обратно. Пропускной билетъ оказался лишнимъ, по-

тому что на пропускномъ пунктѣ—на мосту его никто не спросилъ. Переѣхавъ Арпачай, мы поѣхали шагомъ, чтобы не утомлять лошадей. Вскорѣ насъ нагналъ артиллерійскій офицеръ, тоже отправлявшійся въ отрядъ. Онъ ѣхалъ одинъ и потому присоединился къ намъ.

— Однако, господа, мы вѣдь ѣдемъ по непріятельской землѣ, а между тѣмъ не принимаемъ никакихъ предосторожностей,—замѣтилъ я.

— Во-первыхъ, какая-же эта непріятельская земля,—возразилъ мнѣ на это артиллеристъ, — мы ее прошли, слѣдовательно она наша, во-вторыхъ, здѣсь нечего бояться, здѣсь едвали не безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Тамбовской губерніи, а, въ-третьихъ, наконецъ, если вы хотите предосторожности, такъ стоитъ только взглянуть на вашего провожатаго, чтобы убѣдиться, что они приняты—посмотрите, какую онъ пушку везетъ за спиной.

Я обернулся назадъ и не могъ удержаться отъ улыбки: мой проводникъ представлялъ курьезное зрѣлище; воссѣдая на какомъ-то подобіи Россинанта, онъ былъ вооруженъ, что называется, съ ногъ до головы: спереди за поясомъ у него торчали два огромныхъ кинжала, сзади былъ заткнутъ допотопный пистолетъ и, наконецъ, за спиной болталось что-то грандіозное, обернутое въ мѣховой чахолъ.

— Что это у тебя за спиной?—обратился я къ нему.

— В-а! ружья!—пояснилъ онъ.

— Да для чего оно?

— Для апаcность.

— Да оно у тебя такъ завязано, что пока ты его будешь развязывать, съ тебя успѣютъ кожу снять.

— Да онъ его и развязывать не станетъ, потому-что оно, навѣрное, не заряжено,—замѣтилъ эсаулъ.

— Какъ такъ? почему?—спросилъ я.

— Да ради той-же опасности, чтобъ не чаяно не выстрѣлило.

— За этимъ бугромъ аулъ Мулла-Мусса,—послѣ нѣкотораго молчанія опять началъ эсаулъ,—здѣсь мы, господа, останавливаться не будемъ, а вотъ въ Кизиль-чахъ-чахъ закусимъ, тамъ духанъ есть.

На это мы все изъявили согласіе.

Я никогда еще не видалъ вблизи ни одного аула и потому имѣлъ о нихъ очень смутное представленіе, воображая себѣ что-нибудь вродѣ бѣдной русской деревушки; но когда мы вѣхали въ Мулла-Мусса, я совершенно разочаровался: ни одного домика, ни одного забора даже, а такъ какія-то дырочки прорыты въ землѣ, да тамъ и самъ кучки кизяку наложены. „Какъ тутъ жить?“ невольно задалъ я себѣ вопросъ. Казакъ, ѣхавшій съ нами, какъ-будто угадавъ его, презрительно проворчалъ себѣ подъ-носъ: „живутъ же люди—хуже свиней“. Въ аулѣ было на этотъ разъ большое скопленіе подводъ и солдатъ разныхъ частей. Проѣхавъ Мулла-Мусса, мы поѣхали рысью, при чемъ я началъ испытывать большія неудобства: злая куртинская лошаденка немилосердно тянула поводья, больно рѣзавшіе мнѣ руки, скверное армянское сѣдло невыносимо натирало ноги. Я то и дѣло пересаживался то на одну, то на другую сторону сѣдла и этимъ еще больше усиливалъ свои мученья, а ѣхать еще было очень и очень далеко.

— Ай! чортъ бы бралъ! ухъ! — вырывалось у меня чуть не съ каждымъ шагомъ лошади, а спутники мои только подсмѣивались, сидя спокойно на своихъ удобныхъ сѣдлахъ. — Да скоро-ли Кизиль-чахъ-чахъ? — спрашивалъ я у эсаула.

— Скоро, скоро, — успокоивалъ онъ меня, — версты

три не больше, да вы не ёрзайте на сѣдлѣ, сидите спокойнѣе, лучше будетъ.

Лошади шли дружною рысью, только моя куртинка все забирала впередъ. Вглядываясь въ даль, я сталъ, наконецъ, различать толпу людей и лошадей.

— Что это? — обратился я къ эсаулу.

— Кизиль-чахъ-чахъ.

— Слава Богу!

— А что, развѣ устали сильно?

— Еще бы!

Кизиль-чахъ-чахъ только больше Мулла-Мусса, а то ничемъ другимъ не отличается отъ него. Тѣ-же груды кизяку, тѣ-же кучки земли съ дырочками—сакли.

— Въ Кизиль-чахъ-чахъ есть духанъ, — сказалъ эсаулъ.

„Духанъ? что такое духанъ?“ И опять воображеніе мнѣ стало рисовать подобіе грязной русской харчевни, и опять грустное разочарованіе.

Представьте себѣ гротъ, вырытый въ горѣ, въ которомъ на мѣсто мебели валяются три большихъ дикихъ камня, за ними лежитъ отвратительный бурдюкъ, около него другой бурдюкъ значительно менѣе, посрединѣ грота разложенъ огонь, а около огня возятся два грязныхъ армянина.

— Яйца есть? спросилъ эсаулъ, подходя къ духану.

— Достать можно, — отвѣтили ему.

— Ну такъ достаньте и сдѣлайте яичницу, а теперь дайте пока сыру, лавашей и вина.

— Рому не хотите-ли?

— А есть?

— Есть турецкій.

— Давайте.

Армянинъ развязалъ маленькій бурдюкъ и нацѣдилъ

оттуда въ единственный стаканчикъ какой-то мутной, зеленоватой жидкости. Я понюхалъ — сильно отдавало клопами, попробовалъ — отвратительно, пить не было никакой возможности; также какъ и красное вино, бывшее въ большомъ бурдюкѣ, оно тоже было крайне вонюче, кисло и грязно. Увидавъ въ углу духана кучу салфетно-образныхъ лавашей, я попросилъ одинъ себѣ и сталъ въ ожиданіи яичницы пережевывать эту прѣсную лепешку. Наконецъ яйца были принесены и армяне закопошились надъ сковородкой. Черезъ полчаса, яичница на бараньемъ салѣ была готова и я съ аппетитомъ сильно проголодавашагося человѣка принялся за нее, но тутъ предстояло новое неудобство: за неимѣніемъ ложекъ приходилось ѣсть со щепочки и отъ непривычки яичница часто сваливалась на землю. Перекусивъ кое-какъ, мы отправились далѣе. При выѣздѣ изъ Кизиль-чахъ-чаха, намъ пришлось перебираться въ бродъ черезъ рѣчку. Мѣсто, на которое мы попали, было довольно глубоко, лошади, фыркая и брызгая ногами ступали по каменистому дну, обдавая насъ мелкими брызгами.

— Ну теперь рысцой до Кюрякъ-Дара, а тамъ по стаканчику чайку пропустимъ, — обратился къ намъ эсаулъ, какъ только переѣхали рѣчку.

— Да гдѣ-же вы тамъ чаю достанете? — спросилъ его артиллеристъ.

— Тамъ у меня знакомый докторъ есть.

Тронули поводыя и опять начались для меня нестерпимыя муки, но ужъ молчаливо, закусивъ только губы переносилъ я ихъ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, и пока мы не доѣхали до Кюрякъ-Дара, хватилъ-таки я горя порядочно. За то съ какимъ удовольствіемъ развалился я на коврѣ въ госпитальной войлочной кибиткѣ и принялся за стаканъ чаю, предложенный мнѣ госте-

пріимнымъ докторомъ. Напившись чаю и выпивъ по стакану вина, мы отправились дальше. Выѣзжая изъ Кюрякъ-Дара мы встрѣтили печальную процессію: покойнаго генерала Челобаева везли въ Александрополь.

До Займъ оставалось еще полъ-пути а потому мы, чтобъ добраться туда засвѣтло, рѣшились ѣхать по быстрѣе. Звонко раздавался топотъ двадцати подковъ о каменистую почву. Бѣдный и некрасивый пейзажъ отрывался вокругъ насъ; бугры и бугры, а за ними вдали кругомъ тянутся линіи синихъ горъ; ни одного деревца, ни одного даже кустика. Кой-гдѣ на бугрѣ различишь всадника—это наши казачьи сторожевые посты. По дорогѣ изрѣдка попадались намъ маленькія транспорты, подъ конвоемъ кучки солдатъ, да встрѣтилась почтовая телѣжка. Солдатъ, держа въ рукахъ ружье, неуклюже подпрыгивалъ на неловкомъ сидѣньи. Затѣлѣжкой ѣхали два всадника—это почта изъ отряда. Быстро пронеслась мимо насъ лихая, еще неизѣзженная тройка и скоро въ дали совсѣмъ затерялся веселый напѣвъ колокольчиковъ.

— Вотъ вамъ и Русь на турецкой почвѣ!—замѣтилъ артиллеристъ.

— А вотъ за этимъ бугромъ, верстахъ въ двадцати-пяти, Карсъ, проговорилъ эсауль, показывая рукой налѣво и нѣсколько впередъ.

„Тамъ турки, ихъ лагерь“, подумалъ я, „тамъ тысячи, десятки тысячъ людей, которые за особое счастье, за особый богоугодный подвигъ почтутъ свернуть тебѣ голову. Пріятное сознаніе! Да, но развѣ во мнѣ тоже нѣтъ подобнаго желанія! Развѣ самъ-то я не стремлюсь къ тому-же? Конечно...“ но вообразить себя рубящимъ и колющимъ я никакъ не рѣшался, меня пугала и отталкивала эта мысль.—„Трусъ!“ упрекалъ я себя,—„не такъ думаютъ другіе, не такъ, вѣроятно, думаетъ вотъ онъ“,